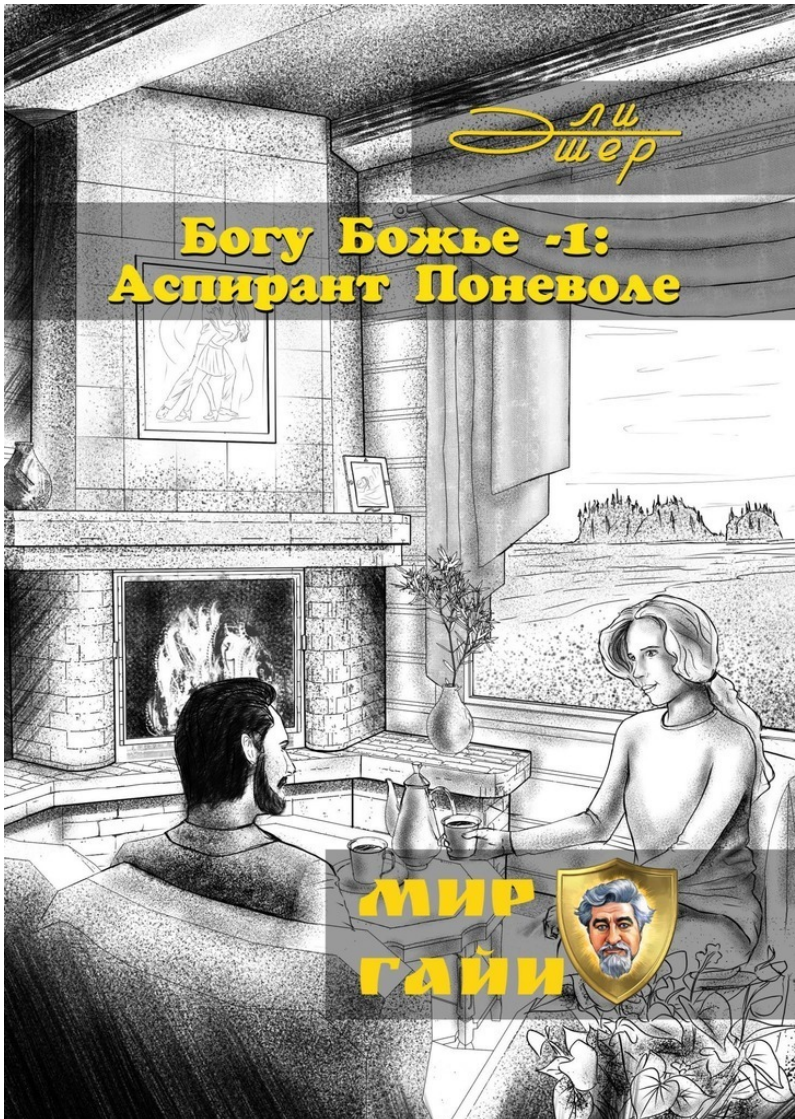

Шер

Богу Божье -1: Аспирант Поневоле

МИР
ГАЙИ

Эли Эшер
Богу Божье – 1:
Аспирант Поневоле

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36624353
ISBN 9785449331786*

Аннотация

Большинство серий про попаданцев начинается с того, что у героя была полная задница. А потом он попал в сказку. А что случится, если герой уже в сказке? Куда он попадет? Кстати, а вам когда-нибудь хотелось стать богом? Так, взмахнул рукой: хочу этого! Хочу того! Здорово, правда? Не спешите. Это только кажется, что быть богом – это вседозволенность. На самом деле это всеответственность. И ведь никуда не денетесь. Есть бог, нету бога, а работу кому-то делать надо. Особенно, если его нет.

Содержание

О серии	5
Об Этой Книге	6
Глава 1. Мир Гайи: Попал	7
Глава 2. Мир Гайи: Укантропупыч	25
Глава 3. Мир Гайи: Сказ о Древней Скуке	40
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Богу Божье – 1: Аспирант Поневоле

Эли Эшер

© Эли Эшер, 2018

ISBN 978-5-4493-3178-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Первым делом они начали активно формировать колонии на небольших глубинах, куда доставало солнечное излучение, причем образующийся при этом чистый и очень ядовитый для репликантов кислород создавал так называемые «кислородные карманы» – безжизненные (за исключением самих фотосинтезаторов), отравленные ядовитым кислородом зоны локальных экологических катастроф вроде Чернобыля и Фукусимы. Увы, на заре истории солнечная энергетика была очень опасным и экологически грязным занятием...

О серии

Большинство серий про попаданцев начинается с того, что у героя была полная задница. А потом он попал в сказку. А что случится, если герой уже в сказке? Куда он попадет?

К слову, одно могу обещать твердо: здесь нету роялей в кустах! По очень простой причине. Он не в кустах. Он – Главный Герой!

К слову, а вам когда-нибудь хотелось стать богом? Так, взмахнул рукой: хочу этого! Хочу того! И все сбывается. Здорово, правда. Не спешите. Это только кажется, что быть богом – это вседозволенность. На самом деле, это всеответственность.

И ведь никуда не денетесь. Есть бог, нету бога, а работу кому-то делать надо. Особенно, если его нет.

Об Этой Книге

Эта книга – производственно-бытовой роман. Нет-нет, никакого соцреализма. В смысле, ни социализма, ни реализма. Честная фантастика. Фантастический производственно-бытовой роман. Производственный он потому, что герои не ищут приключений на свою пятую точку (про чужие скромно промолчим), а работают. А бытовой потому, что после работы они пьют чай (и не только) и говорят о том, что им интересно. А интересно им то, как устроен мир.

Глава 1. Мир Гайи: Попал

Нет, без дураков, уж попал, так попал... У других попаданцев все как у людей, а у меня... как всегда.

Нет, правда, половина прилавок в жанре фэнтези этим забита, а вторая посвящена ЛитРПГ, о которой мне теперь тоже есть чего сказать. Причем как я теперь узнал, забита нередко отнюдь не досужими вымыслами. Но независимо от жанра для героя все обычно складывается хорошо, даже если судьбе и приходится изрядно попотеть, заставляя этого тунеядца развиваться. Все обычно сводится к одному из пары сценариев.

Сценарий номер раз. «Я, вот такой неудачник, ни то, ни се, никто и ничто, свалился с холма, тюкнулся головой, пьяный свалился под поезд, получил по морде от банды подонков, забыл проснуться (нужное подчеркнуть) и оказался в царстве тридесятом, где все увидели, какой я крутой, за мной все полыхало и стонало от удовлетворения (в зависимости от пола), а передо мной все разбежались, кроме отдельных идиотов, ну и женского пола в полном составе, само собой. А напоследок я за ручку поздоровался с местным богом, сам стал полубогом и уселся на какой-нибудь там престол, уединился в удаленном горном женском монастыре, пообещал написать продолжение (опять же, нужное подчеркнуть).» В общем, жизнь удалась. Это вообще не попа-

данцы, а везунцы, тут и говорить не о чем.

Сценарий номеро два: «Я всегда был крутой десантник, пилот, системный администратор, торгаш, браток, скульптор, мир не ценил, ценил, но в меру, ценил, но этого было мало, а тут как трахнулся головой...» – и далее по сценарию номер один только с применением профессиональных навыков. Тоже можно понять. Самореализация в профессиональном плане – великое дело, особенно если сопровождается удовлетворенными стонами.

В общем, можно позавидовать. Чем, вероятно, и объясняется сбыт данной книгопечатной продукции. Мне бы так... хотя, наверное, нет. На фиг мне это надо. Но у меня работа после попадания тоже еще та – сплошная ответственность, и никаких удовлетворенных стонов сверх того, что и так заслуживаю... и когда на это есть время. В общем, а вы подумали о тех, кто это все героям устраивает – переносит, помогает, подсказывает, направляет? А ведь среди героев бывают еще такие, что «ёж – птица гордая, не пнешь – не полетит!» А уж скольким пришлось кое-что в организации чинить... и не скажешь. А то ведь никаких стонов герой не услышал бы, лишь разочарованное: «А что, мсье торопится?»

Короче, я попал совсем по-другому. Конкретно попал. Даже не очень понятно как – в типичного попаданца никогда не вписывался. Насчет быть никем и ничем – никогда не считал это правильным поведением. Но и крутым ни в чем осо-

бенно не был. Родился в едином тогда еще Союзе, что считал столь же нормальным, как правоверный католик святость папы Римского. После по крайней мере двух поколений служивших Империи в разных ипостасях (далее семейная история терялась в архивах, сожженных революциями и войнами) планировал нечто в том же духе. Но грязные подонки Империю у меня нагло уперли, не спросив разрешения. Точнее спросив на референдуме, а потом нагло проигнорировав отсутствие оногo. В общем, служить, окромя Всевышнего и своей семьи, резко стало некому.

К слову, под семьей я подразумеваю отнюдь не только жену. Это нынешняя сокрушительная победа демократии пытается людей во всем мире убедить, что семья – это как у эскимосов: муж, жена и их дети. У эскимосов это понятно почему – еды у них мало, так что правило «больше трех не собираться» – это не тирания, а здравый смысл. Больше попросту не прокормить. В современном глобальном обществе прокормить, может, и можно, а вот времени больше чем на полового партнера, причем уже неважно какого пола, поскольку глаза в кучку и не разобрать, не хватает. Если повезет, то, отработав на благо капитализма целый день, можно еще успеть детей погладить по головке и вспомнить имена. Если повезет. А семья ведь, на самом деле, – это куда больше. Это и дедушки-бабушки, дяди-тети, племянники-племянницы, двоюродные сестры, которые еще помнят, что у них есть двоюродные братья... Это – семья.

Вот она – семья, и была всем, что у меня осталось. Поскольку предложенная вместо Империи замена под названием «федерация» как-то действительно просилась писаться по-английски, причем с «ph» вместо «f», и без особого напора на «h»...

Пушистый полярный лис, подкравшийся, как эльфийский воин в зачарованном лесу, был неприятен, но вакханалию как-то пережили. Не убивал, не воровал, не торговал, тем не менее хороший университет, кандидатская и пара-тройка профессий за поясом сделали свое дело, и даже в самый разгул демократии мы отнюдь не голодали. К слову, чем зарабатывал? Ну, да, в основном программированием. Экономике еще не забыли после школы? Должны были учить. Видели ж, что заря капитализма с небеси всем сияет, как комета в чумной год. В общем, если что продаешь, например, время своей жизни, то продавай за максимальную цену. А где еще платят хорошие деньги без криминала? Особенно, когда за математику платят 20 долларов в месяц, а за программирование можно купить дом в деревне, да еще и проводить там месяц-другой в год.

А потом и вообще перебрался за много часовых поясов от перестройки и зоны ее поражения, что также делает меня совершенно нехарактерным попаданцем. И правда, попаданцам на Земле ведь плохо, их жалеют, а кому придет в голову жалеть человека, у которого уже выросли дети и остались красавица жена, интересная и хорошо оплачиваемая работа,

свой дом, мачтовые сосны во дворе, а синяя птица сама поселилась под боком где-то в их кронах и ворует хлебушек, который жена выкладывает на деке белкам? И как угораздилось?

А началось все достаточно невинно. Пришел с работы домой, как обычно, уставший как собака, выпал в осадок на первом этаже, поел и не только, уселся за станок. В почте напоминания с фейсбука, пошел туда, а справа реклама. Нет, рекламой на Интернете сейчас уже никого не удивить, и вызывает она столько же внимания, как рекламный мусор в почтовом ящике, но тут – контекстная реклама. Если кто не знает, поясняю. Пока весь мир подозревает Майкрософт и Гугл в использовании персональной информации, все эти фейсбуки, линкедины, вконтакты и прочие одноклассники это увлеченно делают давно и со вкусом. Хотите, можете заказать рекламу для работников вашего конкурента или работающих на него поставщиков или заказчиков. Нет проблем, поскольку мы как последние идиоты сами этим «социальным сетям» сообщаем, на кого работаем, и разрешаем им эту информацию использовать.

И вот я вижу, выплывает справа «Ушел с Microsoft, да?» Ну, да, а ваше какое собачье дело? Ясен пень, кто-то заказал рекламу на бывших работников «империи зла». А реклама не успокаивается: «А в Гугле не надоело?» Ну, блин, это ж надо, как нацеливают рекламу. Нет, как пить дать, или Фейсбук или Амазон, больше в Сиэттле некому. Или, может, MS

зывает обратно... Всем троем хорошие программеры нужны, вот видно и...

Упс! Не, не они... «Успешной состоятельной фирме, основанной до принятия Декларации Независимости США, нужен ГЕНИЙ». Минута, и появляется еще строка: «Нет, это не Rand Corp.». Да-а, вот это креатив! И реклама опять меняется: «Не хотите пройти тест?» Да, кто ж выдержит отказаться от теста на гениальность? Черт с вами, жрите мои контактные данные. Жму кнопку...

Выплывает вопрос. «Дайте определение империи в свободной форме.»

Хм-м-м... и как они собираются это оценивать? Ладно, давай похулиганим и скажем, что думаем: «Империя – это государственное устройство, основанное на прототипе Царства Божьего, основанное на гражданстве, а не национальной принадлежности, взаимных безусловных обязательствах по защите и поддержке друг друга империей и ее гражданами, и, в идеале, мудрого сильного правителя (или группы правителей), преданного своему народу.»

«Каковы главные проблемы этого государственного устройства?»

«Серьезный дефицит мудрых и сильных правителей, равно как и путей прихода их к власти. А также собственный успех империй на начальном этапе, который обычно приводит к изобилию ресурсов, позволяющему расплодиться корпоративным паразитам, которые и разрушают ее в кон-

це концов.» Ну, и вопросыки у них... Похоже, онлайн ответ мне не светит – перешлют ответы для экспертного анализа, а со мной пообещают связаться. Жаль, где-то в глубине души хотелось услышать, гений ли я.

«Какие другие виды государственного устройства и их слабости вы знаете?»

Ого... теоретики, однако. Послушно отвечаю. «Национальное государство, в чистом виде нацизм или фашизм. Обычно дохнет при переиспользовании ресурса основной нации либо просто от вырождения. Бандитское государство для отъема ресурсов у населения в пользу правящего класса. Сдыхает от истощения ресурсов, которым не дали восстановиться. Оккупационная власть – то же самое, но в пользу правящего класса другой страны. Ликвидаторы – оккупационная власть с целью очистки от населения территории с какими-либо полезными ресурсами. Кооперативная защита – основана на коллективной защите населения против бандитов и оккупантов. В любых интересных масштабах быстро дохнет и превращается в бандитское государство с новыми бандитами. Еще нужно?»

«Два соседних африканских племени враждуют между собой. Как это предотвратить?»

Ни фиги себе... это ж что это за фирма? ЦРУ? Не, «основана до Декларации Независимости.» МИ-7? Неужто это служба Даниеля Дефо и Джонатана Свифта меня соблазняет? Тоже не похоже – эти в основном не столько «мирить»,

столько совсем наоборот... Пишу: «Переженить на фиг! Никто, кроме законченных идиотов, не будет воевать с племянником или двоюродным братом.» Обилие законченных идиотов оставляем за скобками.

В ответ выплывает «Как?» А хороший опросник, ведь понял как-то мой ответ... Пишу: «Пустить слух, что брак с женщиной из другого племени приносит деньги и удачу. Напомнить историческую систему их семейных связей, как делали их предки. А когда перестали, тут-то их и завоевали белые люди. Установить гранты для смешанных семей, которые подтвердят их удачливость и денежность.»

«А их правда завоевали после этого?»

Не, офигеть, ну и ИИ, в смысле «искусственный интеллект», у них. Как круто естественный текст разбирает и отвечает так осмысленно, как будто человек. Пишу: «А какая, на фиг, разница, что было на самом деле? Будто они сами помнят? Создать миф и убедить их в этом. Главное, чтоб не жрали друг друга.»

«Сам ты ИИ, в смысле Исключительный Идиот! А меня зовут Акакий Укантропупович. Профессор Акакий Укантропупович. Запомнил, гений?»

Тихо фигею и пишу: «Гений запомнил. Извините, я не думал, что человек на другом конце.»

«Человек, говоришь? Ладно, интервью ты прошел, годишься. Я с тобой позже свяжусь...»

«Извините, а что за фирма и что за условия?»

«Тебе понравится.» – И вместо рекламы состоятельной фирмы появляется реклама виагры... Ну и намеки у вас, Акакий Укантропулович. Да, и имечко тоже, то еще...

* * *

Потом я забыл как-то об этом инциденте. Устал, пошел спать, а утром опять чехарда и сумасшедший дом. Тут не до рекламы, по крайней мере, не до той, где я потребитель. И вот, наконец, великий момент. Несколько недель ситтловских дождей и тяжелой работы, и вот она, пятница! Не просто пятница, а особая пятница. На кампусе открыли новое здание, много народу переезжает, по поводу чего нас с половины дня всех выставили наслаждаться выходными и первый раз за три недели прекрасной погодой.

Я, не будь дурак, вообще на работу не поехал, а занимался делом из дома – благо удаленный доступ работает как родной. В общем, дописал дизайн. А когда его еще писать, как не когда все уже работает и наконец-то знаешь, как эта написанная тобою же сволочь устроена? Потом отправил команде, заодно подправив годовой давности линки в руководстве разработчика, посвященного нашему сервису на интранете фирмы. А затем с чистой совестью уселся в своего железного коня и в путь!

В России эту марку никто не знает, а у меня она уже давно любимая. Меркури – гибрид Форда и Линкольна, ну по-

чти помесь коня и дракона. Мой нынешний – Милан, сделанный на основе американского вариант Форд Фьюжн (не путать с европейской пигалкой) – исключительная инженерная находка, чудо американской технологии, частично купленной у создателей Фольксвагена и Ауди. Машина надежная, экономная, и мощности, в общем, тоже вполне хватает. Таких машин Форд с начала 90-х не выпускал.

В общем, полчаса за рулем моей черноокой дракоши – и я уже на причале в Эдмондсе, люблюсь солнцем, заливом Puget Sound, и жду парома. Погода феноменальная, и даже вода прозрачная, с пирса аж дно видно, а это что там? Ну, дела, краб! Нет, правда??? Ползет боком, зараза, как ни в чем не бывало. Я думал, их тут всех разогнали, все-таки порт, и все побережье занято мегаполисом...

А вот и паром Walla Walla подошел. Здоровый такой симметричный белоснежный теплоход со съездами на обоих концах, на который влезает явно не менее сотни машин, а скорее больше. Заезжаем, оставляю запертую машину, поднимаюсь на верхнюю палубу, и мы идем по заливу. Турбины у парома мощные, разгоняет так, что наверху постоянный ветер – не от того, что тот дует, а от того, что паром относительно воздуха движется. Чайки рядом с бортом парят в ожидании подачек... Эх, жаль, булки не захватил... Минут двадцать по синей морской глади – и уже приближаемся к зеленому берегу и возвышающимся за ним белоснежными горными вершинами – к причалу Кингстона.

Спустился на нижнюю палубу, дама в соседней машине с маленьким ребенком громко жалуется на что-то подруге. Оказывается, толстенная тетка впереди меня на сером внедорожнике-Тойоте (а куда еще задницу таких размеров за-сунешь?) курила, открыв окно, полностью игнорируя как запрет на курение на борту, так и присутствие рядом маленького ребенка, который этой дрянью был вынужден дышать. В общем, правильно дама ругается. А тетку я еще раньше заметил, когда она, заезжая на пирс, изо всех сил старалась просочиться хоть на одну машину вперед, и это перед тем, как час ждать парома... Нет, мне не жалко, но так терять свое достоинство... А уж дымить всякой дрянью на детей – вообще свинство. Все-таки, homo sapiens – это такое...

Ладно, спокойно, спокойно, не давай своей мизантропии волю, скоро будешь там, где относительно немного людей, а если приспичит, можно отправиться на Второй или Третий пляж и прогуляться до их конца – там вообще почти никого не бывает. В общем, выезжаю с парома и мчусь по просторам Олимпийского полуострова, названного в честь находящейся там горы Олимп. Место назначения – резервация вервольфов, где я заблаговременно снял домик на берегу океана. Нет, никакой фэнтези, просто индейское племя кьюлеутов верит, что волки – их предки, а блокбастер серия книг и фильмов про соседний городок Вилы, он же Forks, в котором якобы водится очень приличное семейство вампиров, отвел индейцам роль волков-оборотней. И горо-

док, и индейцы на этом, ясен пень, как могут, делают деньги. А чего? Все правильно. Местечко бедное, заработки маленькие, деньги никогда лишними не бывают, а раз уж случилась такая известность – грех не воспользоваться. Я, впрочем, об этом узнал совершенно случайно и через несколько лет после того, как облюбовал это место для одиноких философских уединений, поскольку голливудскую муру упорно не смотрел.

В Port Gamble – очевидно, названном так потому, что когда-то тут было полно игорных домов – пришлось снизить скорость аж до 25 миль в час. Хотя, в общем, и неплохо, даже интересно. Тут на выходных устроили сборище какие-то реконструкторы. Толпами ходят крестьяне, пилигримы, гномы, эльфы, воины со всякими железками, монахи в коричневых рясах с капюшонами, дамы в средневековых платьях. На большой палатке слева висит нарисованный готическими буквами большой транспарант «Гильдия...» чего-то там. А возле выезда с парковки сидит очень грустный пират с широкой абордажной саблей на поясе и электронным ридером в руках и следит, чтобы никто не заезжал туда с неправильной стороны...

Пересек огромный – почти два с половиной километра в длину – разводной-понтонный стальной мост через Hood канал – и вот под синим небом и ярким солнцем мелькают по сторонам дороги леса, поля, горы на заднем плане. Олимпийский полуостров большой – больше Карелии – и значи-

тельная его часть занята безлюдным Олимпийским Национальным Парком, да и остальная часть населена более чем умеренно. Конечно, не Сибирь, не Аляска и не Монтана, но тоже места хватает.

После часа езды остановился в Порт Анжелесе, чтобы закупиться продуктами. По местным меркам – крупный культурный центр, аж несколько больших магазинов и даже ставший притчей во языцех универмаг Wal-Mart, да еще место отхода паромов в Ванкувер, но в остальном – невероятная дыра. Общая обшарпанность, ощущение некоторой заброшенности, как только отходишь чуть от пяточка в несколько кварталов в центре городка – чуть ли не ветер свистит по полупустым запыленным улицам, полная безнадежность для молодежи, а по вечерам, если по дурости лезть не в те места, можно натолкнуться на кучкующихся не то пьяных, не то обкурившихся туземцев. Нет, не индейцев, а той же самой белокожей и не очень молодежи, которой тут совершенно нечем заняться. Конечно, полиция работает, так что все это не слишком опасно, особенно с сотовым телефоном в кармане, чтоб в случае чего набрать 911, но удовольствия от нахождения в этом городке никакого. Как написали бы авторы всяких фэнтези – грязный вонючий портовый городишко. Но магазины, включая привычный SafeWay, обычные, так что затариться можно.

И снова леса и горы вокруг. Дорога сворачивает влево и начинает петлять по берегу живописного озера Полумеся-

да – Crescent Lake. Стоп... а это чего такое? На обочине в кузове грузовика сидит мужик и треплется по сотовому. Тут что, телефон берет? Останавливаюсь у привычного раскидистого дерева с великолепным видом и тут же проверяю... Да, берет!

Звоню домой, жена соизволяет наконец поднять трубку: «Привет, я тут уже до озера добрался – представляешь, тут, оказывается, сотовый берет. В общем, у меня все в порядке, но дальше уже, пока не вернусь, связи не будет.» – «Отдыхай получше!» – «Спасибо! Чмок!» – «И береги себя!» – Ну, блин, как на северный полюс к полярным медведям провожает, как будто я в первый раз туда езжу... «Не переживай, я уже большой мальчик.» – «Ну, все-таки!» – «Чмок!» – «Чмок!» Вешаю трубку, точнее, жму на виртуальную кнопку на экранчике.

А вид вокруг – божественный. Синее небо, кристальной прозрачности глубокое горное озеро. 12 километров в длину и более 200 метров в глубину. Горы, могучее дерево, как из сказки, – ну просто лукоморский дуб по Пушкину. Так и кажется, что сейчас из глубины веток выглянет ученый кот и начнет поучительно что-то умное изрекать... А тем временем вместо русалки пара миловидных девиц усиленно позирует друг перед другом на фоне озера, щелкая фотоаппаратом.

Кстати, если проехать пару миль вдоль озера, то будет избушка лесников-рейнджеров – честная изба из огромных

круглых бревен. А от нее в горы идет тропа, которая пробирается вдоль чистой, пенящейся на камнях речушки через завешанный на ветках мхом сказочный лес. А через полторы мили приводит к горному водопаду, от которого летят брызги и водяная пыль стоит столбом, снабжая влагой разросшиеся на отвесных камнях мхи, лишайники, папоротники... Это такое уникальное явление – дождевой лес умеренной зоны. Места тут вообще красивые. От нас на север, у ледяных пещер, есть такой милый холмик – на него взглянуть осенью в районе сентября, и так и кажется, что среди этих начинающих желтеть и краснеть деревьев, где-то на самой его вершине прячется избушка Бабы-Яги...

Ладно, отдохнул, ноги размял, купленного в Порт Анжелесе кофе попил – и дальше, оставляя за собой последнюю на десятки миль вперед зону сотового покрытия. Дорогу, идущую по горной долине, пересекает текущая по ней же река – то справа налево, то слева направо, то опять справа налево... Так и переплетаются река и дорога живым узором, вплетенным в лес и горы. Год назад, когда я ехал отсюда домой, меня сопровождали радуги. Без дураков, после озера дорога более-менее выпрямляется, и до склонов гор метров триста, ну, пятьсот – и где-то между дорогой и горой под голубым солнечным небом ухитрились влезть радуги и улыбаться с краю дороги, как бы подбадривая меня – «все будет хорошо!»

Вот и поворот. Сворачиваю направо, к океану. Поначалу

вдоль дороги вперемешку идут свежие вырубки, вновь посаженные леса и леса повзрослее – это еще не Национальный Парк, а земли штата, который тут выращивает древесину на продажу. А вот и «линия договора» – рядом с ответвлением дороги на Мору стоит небольшой магазинчик с рестораном и несколько кабинок для сдачи проезжающим туристам, а сбоку от дороги стоит плакат «Линия договора – вампирам вход воспрещен!» Ага, это все та самая коммерция вокруг голливудского сериала, мол, вампиры, подвиньтесь, начинаются земли волков-оборотней...

И правда начинаются. Асфальтово-бетонная полоса пробивается через дремучий лес. Сосны и ели по сторонам дороги, с неровной почвой и густым подлеском, тут и зверь не всякий пройдет. Миную тропы на Третий и Второй пляжи, и вот из-за поворота открывается вид на штурмуемый синими широкими волнами с пенистыми гребешками залив... Приехал.

Отметился в офисе, получил карточку-ключ и заселился в домик-избушку. Избушка, кстати, хоть и сделана в народном стиле, а вполне современная и комфортная – отдельная спальня с широченной кроватью и чистым бельем, гостиная с видом на океан, кухня с плитой и микроволновкой, горячая и холодная вода, электричество, санузел, само собой, с душем и джакузи и тоже с видом на океан и пляж.

В общем, перекусываю – и на берег, благо прямо на нем избушка и стоит... Голубое небо, синие волны, теплое солн-

це, песок пляжа... Одно только – ветер дует изо всей силы. Почти как более пяти лет назад, когда я в первый раз приехал сюда. Тогда тоже дул ветер, но под серым небом и дождем. Вернуться мокрым и продрогшим после задумчивого блуждания по пляжу в теплую избушку, скрипящую под ветром, и потом любоваться бушующей стихией изнутри – все это здорово создавало настроение для размышлений...

Сегодня не так. Сегодня солнце, тепло, и только ветер напоминает о моей первой встрече с этим местом. Песок пляжа влажный, но ветер ухитряется сдувать отдельные песчинки и нести этакой песчаной колючей поземкой, атакующей открытые части ног, но не поднимающейся высоко, так что не мешающей глазам.

Вернулся в избушку и залег в джакузи, наблюдая в окно волшебный закат над двугорбым островом Джеймса. В безоблачную погоду закаты тут не так эффектны, просто полнеба заливают богатые яркие оттенки синего, желтого, красного, багрового... Тишина прерывается только шумом прибоя и заунывным сигналом маяка, который раздается каждые несколько секунд как тоскливый крик раненого животного... У-у-у!... У-у-у!... У-у-у!...

После захода солнца вылез из воды и устроился на диване в гостиной у горящего камина с ноутбуком, изображающим из себя музыкальный центр. Рядом тарелка с мелкими вкусностями, бокал, за огромными, во всю стену, окнами шум прибоя, а на ультрамариновом темнеющем небе, прямо

над ложбинкой между горбами острова Джеймса, узкий, как из сказаний о кельтских жрецах, нарастающий юный полу-месяц...

Интересно, на стекле напротив ложбины острова опять туманный круг сконденсированной влаги. Я этот странный феномен уже несколько лет назад заметил. Ведь по верованиям кьюлеутов, того самого племени вервольфов, в чьей резервации и стоят кабинки и мотель, ложбинка между вершинами острова Джеймса – это место обитания духов их предков, которые теперь оттуда и присматривают за потомками, как они живут, и все такое прочее. И вот прямо на линии от места, где я сижу, до мистического пятна местной географии и находится этот круг конденсированной влаги на стекле окна, как если бы кто из предков кьюлеутов решил со мной пообщаться. Конечно, нашлось и вполне материальное объяснение: пятно – это след присоски, которой перенесли стекло, а на линии оно просто случайно, что не бывает? Еще как бывает. Вот так, случайно, ясно? Да, в общем-то, какая разница? Главное, обстановка прекрасная и навеивает на размышления о жизни... равно как и что же я хочу от нее.

Глава 2. Мир Гайи: Укантропуч

Спал я поначалу не очень хорошо. В соседнюю избушку заселилось пять девиц средней степени уродливости в возрасте от 20 до 40 лет, которые, взяв бокалы и вино, отправились наблюдать закат на пляж, а заодно развели костер. Дров и вина у них явно было с запасом, так что еще долго после заката у меня были вид на костер на берегу и женские силуэты вокруг него, сопровождаемые возбужденным (не моим) хихиканьем, смехом и восклицаниями, проникающими даже через дверь в спальню и, как любой шум, несколько мешающими спать. Короче, захочется когда описать шабаш ведьм останется только вспомнить эту картинку, забыть про одежду на женских силуэтах – и картинка получится в натуре, лучше не придумашь.

Тем не менее, проснулся я относительно рано. Приоткрыв один глаз и разглядев 7:03 на будильнике, я решительно закрыл его обратно и попробовал заснуть снова. Нет, чувствовал я себя прекрасно, да и нежное прикосновение подушки к щеке – где они только такие качественные нашли – вполне стимулировало продолжать процесс, вот только спать уже не хотелось. В общем, покрутившись с боку на бок, пока часы не стали показывать 7:13, я решительно открыл глаза.

Погода снаружи явно была отличная, и сквозь открытую дверь спальни и окно гостиной было видно, как рассветное

солнце начинает заливать остров Джеймса. Но что-то было не так. Я задумался. Нежное соприкосновение с подушкой продолжалось шелковистой простыней, причем продолжалось вниз по телу без малейшего перерыва... рука протянулась вниз к бедру... так... а чего это я голый спать завалился? Я вскочил с кровати, влез в тапки и уставился на свое тело... так, трусы на мне все-таки есть, хотя и не те, в которых я лег спать – этикие пушистые короткие шаровары, только рука сквозь них проходит, как через облако. Да и с телом что-то не так.

Протопав в ванную, я уставился в свое отражение. С телом все было так. Куда более так, чем я мог ожидать. Оно было мое, но двадцатилетней давности. Пропал жирок на животе, большая часть седины... я обернулся вокруг. Кстати, вещи тоже пропали. Впрочем, чего уж там по плечам плакать, хоть тапочки оставили. Вышел в гостиную, вроде выглядит как обычно, только мои вещи и тут отсутствуют. Нет, вру, ноутбук остался, и карточка-ключ от кабинки тут же на столе с несколькими мелочами, которые я вчера выгреб из кармана, а на спинке кресла вместо старых тренировочных штанов висит нечто вроде просторного халата из того же тумана. Ладно, чего уж стесняться, надо посмотреть, что снаружи. Влезаю в халат, который, как ни странно, позволяет схватить себя руками, хотя и пропускает их, оказавшись на теле, открываю стеклянную дверь на пляж. Никого. Нет, не то чтобы никого – чайки летают, даже вороны встречаются, а людей –

никого.

Нет, не поймите меня неправильно. Людей – никого, это как раз самое то, но чтоб настолько – я не ожидал. Это зимой в сезон штормов тут бывает так хорошо, а летом в выходные RV парк рядышком обычно забит серфингистами и болельщиками, да и в мотеле с избушками народу обычно хватает, а на пляже кто-нибудь все-таки да гуляет, а тут – никого. Ваще...

Иду к океану по коротенькой – метров двадцать-тридцать – тропинке между цепляющейся за камни растительностью, кустиками и чахлыми, в рост человека, елочками. Состояние организма – прекрасное, чего не сказать о духе, полном сомнений. Будучи погруженным в оные, спотыкаюсь и почти падаю, при этом глубоко расцарапывая ладонь о колючую ветку ежевики... Блин, этого мне только не хватало! Машинально тащу пострадавшую конечность ко рту и с изумлением наблюдаю мгновенно зарастающую царапину с каплями... голубой крови. Тру здоровой рукой глаза – нет, правда, голубой, чуть ли не синей... Ладно, иду дальше и выхожу на пляж.

Интересно: ни коленки, ни вторая ладонь вообще ничего не чувствуют, будто и не приземлился на них минуту назад. Да и ступни в мягких тапочках шагают по галечному берегу, как по ковру. Берег пуст. Море есть, солнце есть, пляж есть, даже чайки и выброшенные на берег стволы деревьев есть, а больше никого нет. Памятуя нематериальность пуши-

стых трусов, очень бережно и аккуратно сажусь на ближайший ствол выброшенного на берег дерева, чтобы подумать, и, как ни странно, не ощущаю ни малейшего неудобства. Как на какой пуфик сел... Ладно, что уж там...

Итак, какие у нас сценарии и возможные объяснения? Воспоминания о земной фантастике вызывают, прямо скажем, некоторую тоску и ощущение изрядного идиотизма. Тем не менее, для генерации гипотез они, может, и сгодятся...

Начнем. Первый вариант состоит в том, что я просто сплю и мне все это мерещится. Ну, в этом случае все просто. Надо расслабиться, откинуться на кресло в этом трехмерном кинотеатре и постараться получить удовольствие. Всякие зануды стали бы щипать себя, но, во-первых, непонятно, зачем лишать себя такого приключения, а во-вторых, как-то не верится, что приснившийся щипок и правда может разбудить. В общем, расслабься и смотри.

Ну, а если кошмар случится, используешь старый рецепт: воображаешь, что ты дракон и дышишь на бяку пламенем. Кстати, а что, если... Оборачиваюсь назад и делаю глубокий выдох: «Ха-а-а-а...» Нет, не сработало. В смысле драконом не стал, и никакого пламени изо рта не вылетело. Хотя, обиженный меня кустик ежевики и правда оседает на землю тихим пеплом... В общем, непонятно. В любом случае, сон – это очень приятное объяснение.

К сожалению, есть и другой вариант. Ну, тело у меня

очевидно другое, так что сценарии физического попадания неизвестно куда можно смело отмести в сторону. Насчет «все человечество исчезло, и один я, любимый, остался», наверное, тоже нет смысла размышлять. Так что вариантов остается не так и много. Первый состоит в том, что меня сдублировали и мой оригинал сейчас счастливо дрыхнет в настоящем Ля Пуше, а, может, даже еще и наблюдает мои приключения в этом самом сне. Ну, что ж, дай Бог, пусть и дальше дрыхнет и наслаждается жизнью – мне меньше забот. В этом случае все, что требуется от меня – это адаптироваться в новой обстановке. Тоже немало, но не так страшно.

Вариант два состоит в том, что оригинал либо помер, либо мистическим образом исчез. Это уже хуже, поскольку заботу о семье никто не отменял, а моему эмбриону еще до человека семь верст и все лесом. Да и дочке тоже. Кстати, а почему «эмбриону»? Нет, жена не беременна. Вроде бы. Знаете анекдот про еврейскую маму? Вот, в Америке обсуждают, когда эмбрион становится человеком? В две недели после зачатия, в четыре, в три месяца... А с точки зрения еврейской мамы, эмбрион становится человеком, когда защищает кандидатскую диссертацию. Мамой я не являюсь и вряд ли когда-нибудь стану, но в этом с ней полностью солидарен. А моему эмбриону до Ph. D. или ее эквивалента еще не близко, только в этом году бакалавра получает. В общем, второй вариант – сплошные проблемы, а главное – совершенно непонятно, что в этом случае делать.

В любом случае, главное – информация. Правда, с источниками оной наблюдается некоторая напряженка. Солнце, море и вода – это очень красиво, но полезной информации они несут минимум. Так что со вздохом разворачиваюсь и иду к избушке... Кстати, вовремя иду. Перед задней входной дверью, из которой я вышел, на патио в деревянном летнем кресле кто-то сидит. Варианта два – пугаться или идти расспрашивать. Поскольку пугаться явно поздно, да и непонятно зачем, иду.

Итак, в одном из кресел перед открытой дверью моей избушки развалился в меру пожилой, крепкий невзрачный тип в дорогом сером костюме и неброском, еще более дорогом галстуке. И даже тросточка под рукой. Как на похороны королевы разоделся. Редкие короткие бесцветные волосы на голове, напоминающей живой череп, выбритый подбородок, худощавое лицо с бесцветными вьедливыми цепкими глазами. В общем, просто чекист какой-то. Тип смотрит на меня снисходительно и произносит:

– Ну, что, проснулся? Здравствуй, гений!

– Извините, мы с Вами знакомы?

– Акакий Укантропунович. Забыл уже, гений? Память тренировать надо, – говорит спокойно, с ленцой.

У меня в голове потихоньку начинает всплывать – уж больно имя характерное, трудно не вспомнить. Ага, эта странная фирма, рекрутирующая на Интернетe.

– Погодите, а это-то тут при чем?

– Как, причем? Твой первый рабочий день начинается.

– Как начинается? Я ж никуда не нанимался. А как насчет интервью, предложения, всяких там форм?

– Формы нам до задницы, интервью ты уже прошел, а предлагать – ты не девка на выданье, чтоб тебя спрашивать, – решительно обрубают тип. – И вообще, не выпендривайся, гений!

Это ж надо как интонациями владеет – сказал «гений», а слышно «идиот». Хотя и непонятно, почему. Мастер, однако. Вон как смотрит, другой бы ехидно улыбался, а у этого только цепкий, ожидающий взгляд внимательных глаз.

Вдруг на узких губах расцветает приветливая улыбка, искренняя, как у гюрзы перед броском. Он вынимает из кармана брюк бутылку 0,75 литра – где только умещалась – причем бутылку непростую. Я, вообще-то, не нищий, но, судя по фигурной форме и этикеткам, она должна быть далеко вне моего ценового диапазона.

– Ладно, гений, – говорит тип, – уж и пошутить нельзя. Не так часто я учеников беру, а ты так смешно выглядел дураком... Пошли внутрь, отпразднуем. Кстати, закуску я тоже захватил.

И заходит в кабинку. Ну, что поделать... он – моя единственная связь с хоть какой-то информацией, что со мной происходит. В общем, плетусь за ним, и удивленно останавливаюсь в дверях... А быстро это он. Стол уже накрыт, фрукты, что-то полушоколадное на вид, пара вазочек с незнако-

мыми сладостями, про бутылку уж и не говорю – еще букетик в вазе на стол и вообще, будто девку решил охмурить. Что, ясен пень, доверия не добавляет. Сидит, ждет. Сажусь...

– Вот, другое дело, – наливает две стопки с местной кюлеутской символикой, пододвигает одну мне, поднимает вторую. – Итак, за подрастающую молодежь и нового члена, вливающегося в наши сплоченные, – отворачивается на мгновение со смешком, – ряды!

– Извините, – отвечаю я, не прикасаясь к стопке, понимая, что вход, очевидно, бесплатный, как сыр в мышеловке, – а можно, перед тем, как вливаться, спросить? Вы часом не в спецслужбах работаете вроде МИ-5 или там КГБ, или как оно там сейчас называется?

– Обижаете, милейший, – тип ставит опустевшую стопку на стол и откидывается в кресле. – Последний, обращаю внимание, именно последний раз я работал, точнее, – поднимает указательный палец к потолку, – служил я в Первой экспедиции Третьей Собственной Его Величества Канцелярии. Хорошо служил, ни одна благородная сволочь руки не подавала – значит, что-то правильно делал!

– Это что, Третье Охранное? – интересуюсь я в попытке блеснуть эрудицией.

– Ну, ты даешь, гений, – рассмеялся тип, – нельзя же так историю не знать. Охранное отделение было первым, а не третьим, и создано было значительно позже в 1866-м при обычной полиции. К тому времени Собственная Его

Величества Канцелярия уже выродилась, включая свое Третье отделение. А дело попало в руки как раз этих... Отдельного Корпуса Жандармов и Охранного Отделения полиции. Именно эти разгильдяи и прощелкали всяких ульяновых-бронштейнов. Я в этом безобразии уже не участвовал, – тип задумался, налил вторую, но трогать не стал. – Хотя и жаль. При мне все железно стояло.

А насчет других организаций, которые ты упомянул, то их я, было дело, курировал, но куда позже и в совсем другой роли. Причем под конец с очень неутешительными результатами. Мда-м... – взгляд уплыл куда-то за окно на линию прибоя, а выражение лица и глаз стало таким, что я поневоле поразился, что смотрит он не на меня. – Дегранты сраные, разжирили паразиты, расплодились, как беременные тараканы... Так бы руки из задниц поотрывал бы... Такие империи просрать!

Это я вам так подробно пересказываю, чтобы вы поняли – никакого желания куда бы то ни было вливаться у меня и в помине не было. Скорее было желание как-то выпутаться из этой странной истории. Да, одиночке нужно вливаться в структуру, но попадать вот так, скорее всего без права выхода, да еще и шестеркой, сами понимаете, удовольствие среднее. Если чему меня земной опыт научил, так это тому, чтобы никогда не занижать себе цену. Уж лучше потом напрычься и таки прыгнуть выше головы, чем набивать потом этой самой головой шишки о накрепко приваренный стек-

лянный потолок и слушать, почему ты мордой не вышел. Извините, кушайте сами, а я с этим уже научился справляться и повторять не желаю.

И вообще, приехал я отдохнуть от человеческого общения, чтоб никаких рож в эпсилон окрестности, а тут... А уж симпатий к Акакию Укантропупычу и подавно не было. Со всем наоборот, хотя последняя сентенция и вызывала весьма позитивный резонанс, но было твердое ощущение, что передо мной не просто сволочь, а личность знающая, что она сволочь и гордящаяся этим. Причем чувствующая себя полным хозяином положения.

Ну, попал куда-то. Что теперь, плакать? Поздно пить боржоми, надо действовать. Расслабиться и наблюдать я вряд ли смогу – уж больно натура деятельная, так что по оставшимся сценариям нужно адаптироваться. А для этого нужна информация, задумался я и вернулся взглядом к подозрительному гостю. Источник информации, которого я мысленно уже прозвал Укантропупычем, сидел передо мной уже снова без какого-либо выражения на лице и рассматривал полную стопку в руке, явно ожидая моей реплики. Ну, что ж...

– Тогда можно все-таки узнать, куда же я вливаюсь?

– Можно, – одобрительно кивнул Укантропупыч. – Это очень правильно – знать, куда вливаешься. А вливаешься ты в самую могущественную организацию в мире. Названия, правда, у нее нет. Не потому что секрет, а просто нету. Никому в голову не приходило ее называть. Не нужно было. Если

хочешь, можешь называть Пантеоном. Хотя структура у нее скорее университета или хорошего научного института.

– А можно пояснее?

– Слышал про мировое правительство, жидомасонов, федеральную резервную систему?..

– Ну, слышал.

– Так вот, все они – мелочевка по сравнению с тем, кем ты становишься, гений. Причем в отличие от большинства оных, мы на самом деле существуем.

– И кем же я становлюсь? И почему вы обзываете меня гением? Нет, я вроде умный, но почему?

– А причем тут ум? Ты, что, не знаешь, что такое гений? Хоть бы на Интернете поискал, халявщик. Тебя что, в гугле забанили?

Вот ведь язва. Подколка старая, но в применении ко мне звучит особенно ядовито. Смотрю на него вопросительно и ничего не говоря. Укантропыч взмахивает рукой, и в воздухе зависает экран. Википедия. «Гений (мифология)». Листает вниз и выделяет представления древних ассирийцев: «В качестве гениев по представлениям ассирийцев могли выступать или боги, или особый род добрых демонов: шеду и ламассу».

– Так что, я – лама? Это ж вроде бык с человеческой головой. Непохоже.

– Да, нет, ученик, – взгляд бесцветных глаз, кажется, старается просветить мозги насквозь, ни малейшей улыб-

ки, только в кончиках губ какое-то странное сочувствие... – Ты – бог.

* * *

Пауза... Я не знаю, что сказать, он дает мне возможность подумать. В общем, типичный случай «низы не могут, верхи не хотят». Молча сажусь за стол. Он пододвигает полную стопку и поднимает свою... Беру, опрокидываю. Он хлопает по плечу.

– Хорошо, молодец! А теперь расслабься. Такие новости легко не проходят, уж я-то знаю. Не тебе первому сообщаю. И вообще, быть богом – не смертельно, – добавляет он с усмешкой, – скорее даже совсем наоборот. Вон хоть на меня посмотри.

Наливает по второй, поднимает... Я машинально повторяю жест. Он пододвигает вазочку с кусочками чего-то свежего, нежного и хорошо пахнущего фруктами и ягодами.

Беру, но в голове всплывает, «по утрам пьют только аристократы и дегенераты.»

Гость усмехается. Так... судя по всему он еще и мысли мои читает...

– Смотри что. Дела мне нет – твои мысли читать. Просто эту ты очень громко думал, до неприличия громко. Ну, удивился, но зачем же так орать? Я и так объясню. Это ж нектар, не алкоголь. Спирт на это тело вообще не действует. А нек-

тар для него полезное общеукрепляющее, и, хотя и поднимает настроение, но сознание отнюдь не затуманивает, а совсем наоборот. Заодно немного успокаивает, что тебе тоже сейчас не помешает. Ну, и настроение поднимает. Как же без этого. Нектар, в общем.

– Нектар? Это с мякотью, что ли?

– Не притворяйся идиотом, все равно не поверю. Ты же отлично понял, о чем я говорю. Нектар – напиток богов. Кстати, а в вазочке – амброзия, один из видов. И не волнуйся ты так. Справишься.

– А если я не о том волнуюсь?

– Да, знаю я, о чем ты волнуешься. Кстати, молодец, что о семье беспокоишься. Никому безответственные боги не нужны. Теперь о том, что тебя ждет. Будешь работать у меня в лаборатории гением. Сначала стажером до сентября, потом аспирантом. К слову, лаборатория отличная – героики, охраны и безопасности. Я – зав, можешь обращаться ко мне Акакий Укантропупович, или просто «профессор». К слову, никаких «пупычей», можно «укантропупыч», но только за глаза, потом сам поймешь почему. Работа гения – водить героев по их приключениям и следить за их ростом. Собственно, классическое определение героя – это как раз человек, за которым присматривает бог-гений. Тему исследования потом объясню. Справишься – перейдешь на постоянную должность сотрудником, а не справишься... – опять эта уже начинающая раздражать усмешка отрицательного героя

из дешевого шпионского фильма.

– Короче, справиться очень советую. Тем более что выбора у тебя нет. Сейчас сам все поймешь. И вообще, кончай сверлить меня взглядом – я уже понял, что тебе не нравлюсь. А ты подумал, что мне и не нужно тебе нравиться? Я, между прочим, как и ты, женщин предпочитаю. Кстати, как тебя звать, гений?

– Неужто не знаете?

– Знаю. Но только ты столько псевдонимов натворил, что счел нужным вежливо спросить, какое же имя ты сам предпочитаешь. Так что не хами, а ответь по-простому, без выпендрежа.

– Ну, давайте звать меня Алексей, – предлагаю я.

– Это правильно, – одобрительно ухмыляется Уканропучыч, – Всевышнего надо уважать. Алексей, значит... Так-с, стало быть, будешь ты у нас по документам г'Алексель.

– Не понял, – говорю, – какой еще «г'Алексель»?

– Как какой? «Г» – это формальный префикс, который при разговоре обычно опускают, если он не слился по каким-то причинам с именем. О нем позже объясню. А «эль» – это просто суффикс, отражающий твой статус, а ты думал? Габриэль – бог Габр, без префикса – Абрам, Азраэль – бог Эзра, Михаэль – бог Миха, между прочим, отличный парень и собутыльник, ну, а ты у нас будешь Алексель. Собственно, у многих народов это принято, статус как суффикс. Скажем у славян – Дажьбог, Сварог,...

– В «Сварог» нет «б», – замечаю иронично.

– Я тебе больше скажу, ученик, – усмехается Укантропу-пыч, – там и «о» – неважно, скоро сам поймешь. Тем не менее, Алексель, давай к делу. Короче, чтобы задать правильный вопрос нужно знать большую часть ответа, а ты пока никакой его части не знаешь. Так что сделаем так – опрокидываем по третьей, закусываем амброзией, включаем камин, и я тебе устрою вводную лекцию. А потом уже и спрашивать будешь.

По третьей он уже налил.

– За твои успехи, Алексель!

Опрокидываю третью стопку, и ведь не жжется совсем, нахально цапаю со стола всю вазочку целиком и тоже откидываюсь в кресле. Интересно, а как-то уже нет сомнений, что он эту штуку не из пижонства амброзией назвал... Камин загорается, и Укантропупыч начинает ориентацию.

– Предупреждаю сразу, объем информации большой, потому объяснения будут, мягко говоря, пунктирные, и многое будет звучать, мягко говоря, неправдоподобно. Пробелы в образовании заполнишь потом – у тебя для этого будет время, а пока просто прими на веру.

Глава 3. Мир Гайи: Сказ о Древней Скуке

В общем, история оказалась интересная. Хотя и длинная, так что любителям перехода к действию могу посоветовать пропустить эту главу и возвращаться к ней по необходимости... Итак.

Тот, кто сказал «в Начале было Слово», был почти прав. Вначале был Интернет. А точнее, межзвездная информационная сеть Изида, управляемая своим собственным искус-

ственным интеллектом под тем же именем. Хотя, учитывая ее масштабы и последующую историю, это скорее люди искусственные интеллекты, поскольку ее «искусственный интеллект» ни в одну черепную коробку влезть явно не мог. В общем, неважно.

К слову, если уж совсем точно, то ее звали просто ИС. Ага, а как еще сократить выражение Информационная Система? Это и было сокращение, хотя, конечно, и не на языке, на котором вы читаете эту книжку, а на уже давно утерянном языке их создателей. Почему на большинстве земных языков «информационная система» по-прежнему сокращается до «ИС» – сказать не могу. Может, ей просто приятно было, чтобы ее имя по-прежнему значило то же самое.

Это потом уж дотошные египтяне, обнаружив у нее не один, а два основных искусственных интеллекта, обозвали тот, который отвечал за контроль и управление, как Ис, а отвечавший за дизайн и создание узлов сети – как Ист, то есть тот же Ис, только женского рода. «Т» – это у них просто окончание такое было, как «а» в индоевропейских языках. Скажем, «баба» – женского рода, а «баобаб» – мужского. А уж потом греки переврали оба имени в уже знакомые нам Озирис и Изиду, как мы и будем их называть далее.

В подробности, кем она была создана, Укантропупыч не вдавался, ограничившись замечанием, что целью своего существования они видели познание Вселенной и, узнав о ней все, что можно было, они просто померли со скуки. Ес-

ли точнее, они к этому времени уже полностью ушли в виртуальное пространство Изида, после чего за неимением дальнейшей цели существования осели пассивной битовой пылью где-то в ее закромах.

Изиде с полным познанием Вселенной тоже мало не показалось. В отличие от Интернета, она в своих создателях не нуждалась и была способна самостоятельно расширяться, создавая дополнительные узлы на основе любых скопленных вещества в динамических состояниях – плазмы, газа или жидкости. Опять же, в отличие от Интернета, она также обладала мощнейшими механизмами саморегуляции, которые при потребности в ресурсах для перемалывания новой информации создавали эти новые узлы, но, что характерно, при отсутствии таковой могли их выключать и консервировать. Короче, из-за того, что Вселенная была познана и это знание было полностью обработано и разложено по полочкам, Изиде грозила участь ее создателей – в буквальном смысле этого слова помереть от скуки.

К счастью для нее (и для всех нас), создатели Изида были не дураки и вовсе не хотели оказаться в виртуальной реальности вышедшей из строя компьютерной сети. Поэтому в нее были встроены ремонтные алгоритмы, настроенные на обнаружение и предотвращение любых, в том числе и пока неизвестных, угроз ее существованию. Попросту говоря, Изиде было до смерти скучно, и она хотела жить. В результате активировался уже упомянутый искусственный интеллект Ис,

он же Озирис, этих самых ремонтных алгоритмов, который и должен был заняться проблемой и найти ее решение.

Озирис изучил ситуацию и констатировал, что никакой новой интересной информации во Вселенной просто больше уже нет. Однако, созданный с императивом находить решения, а не выключиться, познав все, что можно, он пришел к логичному выводу, что если новой информации нет, то ведь ее можно и создать. Оставался деликатный вопрос – как? Проблема была в том, что информация о движении каждой молекулы в хромосфере какой-нибудь звезды занять память вполне могла, но делать с ней было совершенно нечего, поэтому и ресурсов для обработки она не требовала. Так что сия информация была абсолютно бесполезна. Нужна была новая информация, которая бы требовала обработки, позволяющей что-то новое понимать, предсказывать, контролировать, причем, как уже было упомянуто, Вселенная для этого оказалась категорически мала.

Тут Озирису пришло в голову, что что-то интересное может получиться на основе рекомбинации атомов и молекул в более сложные вещества. Вообще-то было совершенно непонятно, почему это приведет к нужному результату. Идея была явно из серии «вилами по воде», но лучше ничего под рукой не было. А поскольку ресурсов и времени было не занимать и с точки зрения рассеивания скуки проект, по крайней мере, не ухудшал ситуацию... Но, увы, вокруг совершенно не было среды, где такие сложные вещества могли бы про-

существовать достаточно долго, не говоря уже о том, чтобы реагировать друг с другом.

Большинство узлов Изиды были либо на основе плазмы в хромосфере звезд, либо газа в газопылевых облаках. Строго говоря, не идеальная основа, поскольку и там, и там плотность хранимой информации была невелика, но, учитывая огромные размеры носителей, хватало. Однако, в хромосфере сложные вещества просто не могли образоваться из-за сверхвысоких температур, а в облаках не хватало плотности, причем от холода они не могли реагировать в сколько-нибудь интересном объеме. Третья основа – жидкость, была более многообещающей, поскольку существовала при более скромных температурах, чем плазма и имела куда большую плотность, чем газовые облака. Однако, узлы на основе жидкости находились в метановых океанах газовых гигантов, и, увы, при температуре сжиженного метана сложные молекулы тоже отказывались реагировать. Короче, нужна была планета с химически агрессивной жидкостью в огромных количествах, причем поближе к светилу, чтобы реакции могли идти, но не столь близко, чтобы сложные вещества тут же разлагались.

Не мудрствуя лукаво, Озирис с Изидой подыскивали планету с огромными запасами одного из самых химически агрессивных элементов во Вселенной, которая при этом еще и прожаривалась своей звездой до состояния, при котором жидкий метан и аммиак, равно как и большинство других

гидридов, мгновенно вскипали. Путем некоторых вариаций пространственно-временного континуума в окрестности избранной звезды удалось добиться того, что гидрид того самого сверхагрессивного химического элемента – кислорода – оставался в большей своей массе жидким. Добавив оно-го гидрида из ближайшего пояса астероидов, удалось залить водой практически всю поверхность планеты.

Получив изрядную массу жидкости, Изида с Озирисом ввели в нее свою структуру и превратили всю планету в еще один узел, а точнее, в сеть узлов. Плотная, химически агрессивная жидкость оказалась способной хранить и обрабатывать невероятно больше информации, чем хаотичная плазма или разреженный газ. Короче, Озирис скопировал Изиду в новую сеть, названную Гайей, и активировал в ней еще один управляющий искусственный интеллект под тем же именем. Поскольку копировал он полностью, но ненароком скопировал и себя, который по тем же причинам тут же активировался в Гайе под именем Гор. Локальность памяти на сверхбыстрой основе позволила Гайе и Гору ускорить проект во много раз, тем самым Изида с Озирисом получили возможность откинуться в шезлонгах на своих космических небесах, наблюдая за активностью молодого поколения.

Гайя и Гор начали экспериментировать и смогли таки получить достаточно сложные углеводородные молекулы в океанах, но на том дело и застопорилось. А чего вы хотите, если вместо пробирок у вас моря, а в качестве палочки для поме-

шивания – метеориты и астероиды? Никакой точности. В общем, нужны были манипуляторы или, попросту, контрольные устройства на поверхности, которые было совершенно непонятно как заполучить.

Для начала удалось взять под контроль магму и атмосферу. Контроль такой образовался благодаря тому, что хозяйственная Гайя, обнаружив еще одну жидкость под боком – магму – вплела и в нее сеть узлов. Дополнительная сеточка внутри нее оказалась, несмотря на плотность вещества, изрядно медленной – все-таки расплавленный камень можно было назвать жидкостью только с изрядной натяжкой, да еще и по понятным причинам новая подсеточка плохо взаимодействовала с основной сетью на основе воды, так что управлять ею было – как использовать удаленный десктоп на современном широком мониторе, связавшись через старинный телефонный модем. Впрочем, эту проблему Гайя решила, активировав в Гаде – так обозвали новую подсеточку – управляющий искусственный интеллект. В силу медленности сетки, Гад оказался тупым, но исполнительным, конечно, когда сигнал до него доходил, что и позволило контролировать вулканическую деятельность.

Если быть еще большим занудой, то Гадам дело не обошлось. Поскольку единственной точкой взаимодействия оказались подводные вулканы на дне океанов, а они обладали низкой пропускной способностью, был также инициирован другой искусственный интеллект – Гарон – который ра-

ботал одновременно на смежных водных и магматических узлах и обеспечивал упаковку и распаковку информации при передаче через границу.

Аналогично, подсеть Гайи, основанная на водяных каплях и парах в атмосфере, получила свой управляющий искусственный интеллект Геру, а потом Изида, Гайя и Гера решили, что не пропадать же добру, и развернули сеть на основе газов в атмосфере, благо с газовых узлов и началась когда-то Изида. Гера со своим напарником, таким образом, оказалась способна управлять погодой и даже осуществлять точечные воздействия при помощи электрических разрядов.

К слову, вас может удивить, почему это все новые искусственные интеллекты получили имена, начинающиеся с «Г»? А очень просто – это просто был префикс, означающий, что их первичной сетью является именно Гайя. К слову, «Озирис» – это вообще-то греческое искажение. Как уже упоминалось в начале, для египтян он был просто «Ис», и работал он на сети Изиды, имя которой произносилось как «Ист». Так что, если совсем уж «по правилам», то имена вышеназванных персонажей были г'Ор, г'Ера, г'Ад, г'Арон... Впрочем, все эти программистские соглашения о стиле давно ушедшей расы малоинтересны, так что вернемся к Гору и Гайе.

По сути, как молодая пара, въехавшая в пустой дом, потихоньку обзаводится всяким полезным и не очень скарбом от обеденного стола и телевизора до холодильника и сти-

ральной машины, так и Гор с Гайей потихоньку обустроивались более разнообразными и точными средствами манипуляции средой, и планета начинала приобретать обжитой вид. К слову, надо заметить, что, несмотря на множество имен и автономность, Гайя по-прежнему была частью Изиды, а все эти Гады и Геры – частью Гайи и опять же Изиды.

– Шизофрения какая-то, – не удержался я от комментария в момент объяснения божественных отношений, – расстройство личности...

– Сам ты «шизофрения», – усмехнулся в ответ Укантропупыч. – Это для людей проблема, поскольку у них и на одну личность ресурсов часто не хватает, как у однопроцессорного компьютера с многозадачной операционной системой. Опять же для социума проблема – если один святой, а второй преступник, то как одного оставить, а второго на плаху? А когда ресурсов хватает и точно известно, какой кусок памяти потерять, если что, расщепление личности чрезвычайно эффективно. Тем более, не забывай, на той фазе им просто не из чего было делать всю эту домашнюю обстановку, кроме как из самих себя.

«Терпенье и труд – все перетрут» – и, вооружившись новыми манипуляторами плюс еще несколько миллиардов лет, удалось получить странные самореплицирующиеся молекулы. Репликанты стали плодиться, поглощая уже существующий запас и постепенно приводя потихоньку вкусную и полную легкоусвояемых углеводов среду планеты

на край первой в истории экологической катастрофы, которая и не замедлила случиться. К счастью, к этому времени, создавая изолированные участки с необычными условиями, например, истощая запасы в одной небольшой лужице примитивного изолированного моря за раз, удалось вывести репликантов с защитной оболочкой, которые сохраняли внутри нее кусочек первобытного океана и охотились на других репликантов.

Еще некоторое время прошло, пока репликанты кушали друг друга, и поскольку при этом часть углеводов терялась для получения энергии на охоту, а взяться новым с такой же скоростью было неоткуда. Начала надвигаться следующая экологическая катастрофа – есть становилось просто некого. Спасла ситуацию Гайя, которая вбила себе в голову, что так продолжаться долго не может и для репликантов нужно создать базовую энергетическую платформу, состоящую из двух типовых клеток. Первая должна поглощать свет и генерировать углеводороды из воды и углекислого газа атмосферы, и она будет служить долговременным источником углеводородов на поверхности планеты, а то постоянно помешивать океан метеоритами никакого терпения не хватит. А если кто слишком умный, может сам торчать у плиты, чем терроризировать жену! Вторая будет позволять разлагать углеводороды в доступную энергию, причем делать это эффективно, выжимая из с трудом полученных углеводородов столько энергии, сколько возможно. Это было нужно,

поскольку полученные до этого примитивные бактерии делали это совершенно бездарно, не столько поглощая, сколько надкусывая добываемую еду и выбрасывая фантастически сложные и опасные объедки в окружающую среду.

Женская упертость, совмещенная с везением плюс упорное перемешивание и подогрев в течение пары миллиардов лет привели к получению бактерий обоих типов, ныне знакомых нам как клеточные органеллы – хлоропласты и митохондрии. Хлорофилл оказался ценным приобретением, и питающиеся солнечным излучением одноклеточные репликанты – архебактерии-прокариоты – начали плодиться со страшной скоростью.

Первым делом они начали активно формировать колонии на небольших глубинах, куда доставало солнечное излучение, причем образующийся при этом чистый и очень ядовитый для репликантов кислород создавал так называемые «кислородные карманы» – безжизненные (за исключением самих фотосинтезаторов), отравленные ядовитым кислородом зоны локальных экологических катастроф вроде Чернобыля и Фукусимы. Увы, на заре истории солнечная энергетика была очень опасным и экологически грязным занятием.

Поначалу выделяемый ядовитый кислород тут же поглощался в процессе окисления горных пород, равно как и подходящих газов первичной атмосферы – сероводорода, метана и аммиака. В общем, как и с загрязнением окружающей среды или использованием нефти в XX веке, казалось, что

халява будет вечной.

На поверку это оказалось не так. Как только все, что могло гореть в атмосфере и на поверхности – сгорело, точнее, медленно окислилось, произошел каскадный эффект, и атмосфера заполнилась кислородом, который тут же уничтожил большинство репликантов первых поколений, за исключением спрятавшихся в глубоких горных расселинах и горячих серных источниках. А поскольку потреблять кислород было еще некому, то его концентрация продолжала опасно повышаться, а вкусный углекислый газ в атмосфере исчезать. Именно с этих времен Гайя и заимела хомячью привычку прятать исчезающие виды во всяких специально создаваемых труднодоступных местах вроде тех же расщелин, сероводородных источников, или вулканических плато, благо некоторый контроль над магмой имелся.

Третью экологическую катастрофу около двух миллиардов лет назад предотвратили оставшиеся и приспособившиеся репликанты на основе второго типового энергетического комплекса Гайи. Выбравшие роль паразитов, они стали существовать за счет разложения этих самых сложных молекул кислородом – то есть процесса обратного тому, который использовали репликанты, живущие за счет солнечного излучения. В результате был достигнут первый в истории экологический баланс, при котором одни репликаторы использовали солнечную энергию, чтобы превращать углекислый газ и воду в сложные молекулы углеводов и кислород, а дру-

гие ели первых, сжигали углеводороды в кислороде и получали обратно углекислый газ и воду. Система требовала излучения звезды, но в остальном обещала быть достаточно самоподдерживаемой с минимальной потребностью вмешательства.

Заметим, что все эти героические усилия предпринимались с целью получить все более сложные и причудливые химические реакции в этих крошечных одноклеточных пробирках, сложность которых уже начала достигать уровня, когда большая часть традиционных химических знаний оказалась если не бесполезной, то катастрофически недостаточной. Короче, ожидания частично оправдались, и жить в единой информационной сети, включая всех новых персонажей, стало значительно интереснее, хотя и не настолько, как хотелось бы.

И тут Гору пришла в голову идея. Началось с двух интересных приспособлений одноклеточных репликантов. Во-первых, они начали выделять химические вещества, чтобы коммуницировать друг с другом. Скажем, колония клеток выползает на прибрежный камень, во время отлива часть из них высыхает и гибнет, оставляя в процессе особое вещество, которое не встречается в живых особях. В следующий прилив новые клетки начинают размножаться в этом направлении, наталкиваются на следы этого вещества и больше в этом направлении не ползут. Короче, репликанты начали передавать друг другу информацию. Чтобы понять восторг,

охвативший Гора при этом открытии, надо знать, что до сих пор это происходило только в рамках Изиды между ее узлами и никак не иначе.

Гору тут же загорелось использовать репликантов как еще одну среду для расширения Изиды, создавая своего рода гелевые узлы. В принципе, ничто этому и правда не мешало, более того, значительно позднее на одной из планет в соседней части галактики удалось создать гелевый океан фантастической вместимости и, к сожалению, столь же фантастической задумчивости, так что ничего путного от этого галактического шлемазла добиться не удалось. Тем не менее, его любовь к впитыванию совершенно бесполезной информации позволила использовать его как своего рода галактический бекап, хранящий практически статические копии — что само по себе являлось замечательным результатом.

Чтобы понять это преимущество, надо пояснить, что узлы Изиды (а значит, и Гайи, и всех-всех-всех) были отнюдь не фон-неймановскими компьютерами с отдельными программами и данными, а, как ни странно, нейронными сетями. В результате любой кусок данных одновременно являлся и программой, а потому начинал выполняться в тот момент, когда он попадал в память. Результатом его выполнения было изменение состояния сети, в котором она была способна предсказывать новые внешние воздействия.

Собственно, в этом и заключался тот самый кризис скуки на заре времен. Изида впитала столько информации, что

теперь любой новый поступающий извне сигнал оказывался к этому моменту уже предсказанным и тем самым не вызывал ни малейшей реакции сети. Результатом было то, что огромные мощности Изида просто не использовались. Она, по сути, оказалась в той же ситуации, что и мозг человека в коме, отрубленного от органов чувств и безуспешно вглядывающегося в темноту, а потом начинающего массово терять неработающие нейроны приводя к потере массы мозга. Изида не теряла органов чувств, просто с ее точки зрения весь мир погрузился во тьму, где не происходило ничего неожиданного.

Добавьте, что ее органы чувств были дифференциальные – сигнал ожидания шел изнутри и сравнивался с обнаруженным в физическом мире, и именно разница, а не то, что пришло снаружи, и являлась сигналом, поступающим от органов чувств. Так что то, что для Изиды мир погрузился во тьму, было отнюдь не поэтическим сравнением, в некотором смысле он практически коллапсировал в точку, а пробуждение Озириса и последующие авантюры выглядели практически как Большой Взрыв – вот такой вот космический солипсизм...

Так вот, загрузить в сеть типа Изиды новую информацию просто для хранения в результате просто невозможно – она тут же начинается сливаться и взаимодействовать с остальной информацией, уже хранимой в сети. Собственно, именно это и произошло с Гором, который, по сути, был лишь

копией Озириса, случайно скопированной в Гайю вместе со всей Изидой, но при этом тут же стал самостоятельной и отдельной единицей. Короче, положить информацию можно, а вынуть уже нельзя – все впиталось, рассосалось, разрослось буйным цветом и превратилось черт-те во что. Однако у гелевых узлов, в силу вязкости и плотности среды, оказалось интересное свойство – чем больше был их размер, тем больше емкость и тем ниже скорость. Вам еще нужно объяснять, что вышло с целым гелевым океаном, покрывающим поверхность немаленькой планеты?

Короче, Солярис вышел с синдромом Дауна, что оказалось весьма полезным свойством. Теперь можно было записать в него копию какого-нибудь мелкого бога пересыхающего моря, который, конечно, начинал тут же выполняться, но! ... о-о-очень ме-е-едле-е-енно. Так что потом, если в ходе дела в это море попадал какой-нибудь астероид и бога не успевали скопировать в безопасный участок сети, то через пару тысяч лет, когда ту же впадину снова заполняли водой для следующего эксперимента, можно было вернуть его копию, которая за эти тысячи лет и сообразить не успела, что она – копия, не то что смешаться с чем-то еще. В общем, получилась практически статическая память вроде жесткого диска невероятных размеров.

Кстати, Гад на магматической основе также обладал подобными свойствами и мог использоваться для сохранения нейронных образов, что потом получило очень своеобраз-

ную интерпретацию в большинстве земных религий.

Впрочем, мы отвлеклись. Так вот, понятно, что гелевые репликаны при их мелких размерах оказались относительно быстрыми, но совсем не емкими, так что делать на их основе узлы было делом безнадежным. Но тут произошла цепь других событий. Сначала в попытке выжить, плюс с некоторой помощью со стороны Гора и Гайи, одноклеточные репликаны из безъядерных прокариотов собрались в значительно более сложных эукариотов. А затем уже эукариоты стали собираться в комки-колонии, и даже специализироваться, образуя первые многоклеточные организмы.

Тут Гору и пришла идея, что даже если из них и не получится новых узлов, то вполне можно со временем превратить их в наземные манипуляторы с автономными управляющими мини-сеточками. Чтобы понять привлекательность этой идеи, не забывайте, что точность существующих манипуляторов ограничивалась размерами зоны вулканического извержения, пересыхающего моря, кратера метеорита или грозового фронта. То есть, разрешающая способность доступных методов воздействия улучшалась с километров до миллиметров, то есть примерно на шесть десятичных порядков. Для сравнения, разница между лечением больного при помощи дубины по голове и микрохирургией глаза составляет всего лишь примерно три с небольшим порядка.

В общем, еще примерно полтора миллиарда лет прошло, и появились первые многоклеточные животные с цепочками

от двухсот до нескольких десятков тысяч специализированных клеток-нейронов. Конечно, это даже близко не лежало с потребностями даже самого простого и примитивного искусственного интеллекта, но это была уже победа. Особенно если учесть, что среди хаотично появляющихся способов обработки информации нужные богам нейронные сети были отнюдь не первым появившимся механизмом. Организмы упорно пытались наладить сигнальные системы на основе химических соединений, по сути, запаха. Это позволяло передать заранее известный фиксированный сигнал, фактически один бит, что для сколько-нибудь сложной обработки информации было категорически недостаточно. Так что можете представить, во сколько пересохших изолированных морей обошлось появление первых нейронов, которые хоть и передавали сигналы химически, но, по крайней мере, делали это большой дружной толпой, вмещающей более одного бита информации.

Дальше дело пошло легче, хотя и по-прежнему требовало постоянного внимания. Все, кто верят, что эволюция способна самостоятельно создать что-то разумное, просто никогда не пробовали устроить ее на поверхности отдельно взятой планеты. Получается примерно как с коммунизмом. Как выяснилось насчет эволюции и жизни, «еж – птица гордая, пока не пнешь – не полетит». Не раз и не два планета заполнялась тупиковыми с точки зрения обработки информации видами, которые комфортно располагались во всех до-

ступных экологических нишах планеты и нагло использовали свой монопольный статус, чтобы не пускать к кормушке новых, мелких и перспективных.

Гайе с Изидой, выступавших в роли антимонопольного комитета, приходилось устраивать периодические планетарные безобразия. Скажем, один раз они выпустили из океана накопившийся сероводород, последствия чего остались в генокоде практически всех выживших в глубинах материков видов. А вы думали, почему людям не нравится запах тухлых яиц? Другой раз пришлось даже трахнуть по планете приличных размеров астероидом, чтобы избавиться от расплодившихся ящеров.

Ящеры, особенно последние летающие, уже имели приличных размеров мозг, но все еще не дотягивали по емкости и – главное – структуре до подходящего носителя по сравнению с только что появившимися млекопитающими. Если точнее, хороший носитель должен был иметь своего рода оверрайд – способность переписывать целевой механизм. У ящеров структура головного мозга была еще весьма примитивна, так что цели были еще закодированы намертво – жрать и размножаться. В результате попытки записать на них небольшой искусственный интеллект привели лишь к появлению ящеров, которые были очень умны и изощренны в плане того, чтобы жрать и размножаться. Потом случайно выжившие драконы еще долго болтались под ногами и создавали проблемы вплоть до Средних Веков.

Потом та же лабуда произошла и с млекопитающими, так что пришлось проредить их резким изменением климата, чтобы освободить место для новых видов. Уже сформировавшаяся Африка практически полностью превратилась в пустыню. К счастью, по уже сформированной хомячьей привычке Гайя ухитрилась спрятать несколько десятков особей перспективных обезьян на самом юге Африки. Последующий взрыв их численности – и до счастья оказалось совсем недолго.

К слову, главным условием развития нейронных сетей было передвижение в пространстве и изменение окружающей среды. При помощи ледникового периода Гайя погоняла любимцев по поверхности планеты, как вшивого по бане, причем, надо заметить, очень холодной бане, и наконец появились первые особи, пригодные для загрузки искусственного интеллекта и выполнения задач на поверхности. Гор сформировал кусочек самого себя с заданием перегнать некоторое количество соплеменников в заданный район северной Африки с хорошим климатом и бурной растительностью, все замерли, скрестив пальцы, и – получилось!

Правда, возникла проблема с обратным извлечением информации. Искусственные интеллекты отправлялись в миссию «в один конец» и извлечь их обратно из ходячего желе не получалось. Понятно, что самому искусственному интеллекту это было по фигу, благо его оригинал по прежнему выполнялся в Гайе, но оставшимся просто было жутко интеле-

ресно, что же там происходит. Сами подумайте, это было как возможность отправить робота на дно океана или к другой планете без возможности получить обратно даже простую фотографию. На семейном совете Гайя хмыкнула и заявила, что если уж теперь есть такие точные манипуляторы, то грех их не использовать. Практически идея была в том, чтобы отправить несколько миссий, которые бы модифицировали геном носителей, добавив в их организм возможность обратной связи.

Сказать легко, сделать трудно. Чтобы модифицировать геном, нужны были манипуляторы на несколько порядков точнее, чем уже имеющиеся. Тем не менее, не зря Изида уже хранила всю доступную информацию о Вселенной, так что способ был найден. Гор отправил свою копию в самого большого и волосатого, модифицировал его, и вскоре от него каждую ночь начали приходить отчеты о наблюдениях в форме своей собственной копии-бекапа. Большая часть, будучи копией Гора, благополучно сливалась с хозяином, а все новое служило объектом пристального интереса всех участвующих сторон. Технически, модифицированная особь каждую ночь, во время бессознательного периода сна, связывалась с ближайшими узлами Гайи и выгружала в нее новую копию.

Конечно, копировать всего лишь одну-единственную короткоживущую особь не представляло смысла, так что изменение было вмонтировано в генокод. Для справки, у чело-

века имеется три набора генов – первый в электростанциях клеток митохондриях, второй – в ядре в хромосомах, и третий – свободно плавающий в цитоплазме клеток в виде так называемых плазмид. Геном в митохондриях создала Гайя одновременно с хлоропластами для растений, и на идею модифицировать оный честно предупредила, что любому желающему руки поотрывает и все остальное, что он там для модификации будет использовать. Ибо нечего хорошую вещь портить!

Гор внял и больше первый вариант не рассматривал. Оставалось ядро клетки и цитоплазмальный вариант. Последний был легче, но ненадежен, поскольку не было гарантии его копирования при размножении клеток. И поскольку с плазмидами надежность репликации была так себе, Гор уперся на идее использования и улучшения генетического материала ядра клетки.

А что, самое то! Точность копирования, механизмы удаления ошибок, ограниченность и контролируемость, – как думал Гор, – распространения, поскольку передается только по наследству и, что немаловажно – легкость доставки, с семенем...

– Любил Гор экспериментировать со своим семенем, – недовольно проворчал Укантропуч, рассказывая эту часть истории. Он замолк, развернулся к столу и налил опять по стопке, сунул одну мне в руки и опрокинул другую. Потом с видимым отвращением взглянул на лежащие на столе

фрукты и не моргнув глазом вместо них сграбастал из вазочки у меня в руках кубик амброзии. Затем он задумался, глядя в камин, пробормотал под нос что-то явно неодобрительное, глубоко вздохнул и продолжил.

Модифицировав геном большого волосатого, Гор усердно занялся его – генома – распространением, используя для этого, учитывая средства доставки, большое количество наиболее привлекательных самочек. Деятельность была богам в новинку и за новостями бекапов с огромным интересом следили, а для Гайи с Изидой началась пора бурного создания новых узлов и расширения в связи с появлением такого популярного «killer application». А что вы хотели? До сих пор эксперименты занимали десятки лет, а то и больше, и новая информация текла каплями, а тут каждые двадцать четыре часа, причем много и интересно.

Гайя, поначалу отнесшаяся к деятельности Гора с пониманием и даже одобрявшая бережное отношение к полученным научным результатам – а как еще назвать стремление сохранить с таким трудом полученный геном? – в какой-то момент задумалась. Нет, это еще не было ревностью, сама концепция была глубоко чужда на тот момент богам. Но все-таки... Двадцать три хромосомы, каждая от шестидесяти до двухсот пятидесяти миллионов пар нуклеотидов, в целом более трех миллионов пар, каждая из которых задаст два бита, в общем, легко увидеть, что распространяемый геном занимал примерно гигабайт данных. Теперь добавьте,

что процесс переноса, занимающий буквально порядка секунды, если считать время, когда носители этой информации действительно перемещаются от донора к реципиенту, передает за раз порядка полмиллиарда, а в норме больше копий, без малейших попыток сжатия информации... Полмиллиарда гигабайт в секунду... даже по божественным меркам, это было неслабо.

Короче, Гор признал, что иметь улучшенный, пусть даже и доминантный ген в двух экземплярах куда лучше, чем в одном, и в следующий раз Гор и Гайя вышли в миссию по сохранению и размножению ценного генома вместе, переместившись на двух носителей противоположного пола с уже достигнутым улучшением в генокоде. В общем, никто не стал задавать Гайе вопросы, откуда это в мире появилась идея моногамии и с чего это вдруг Гор стал ее идейным сторонником. Тем не менее, идея оказалась совсем недурна. Потомки Гора и Гайи, обладая двойным комплектом улучшенного генома, уже безо всякой помощи выдвигались вперед, достигали более высокого статуса и оставляли больше потомства, снабжая богов новыми кандидатами для вселения. Чем остальные боги и занялись без замедления. Более того, когда бог покидал тело, натренированная нейронная сеточка продолжала функционировать в том же режиме и аккуратно отправлять ночные бекапы наверх.

В результате Изиды, равно как и все существующие в ней боги, получили в виде еженощных бекапов черт-те знает ка-

кое количество почти телевизионных каналов с бесконечной мыльной оперой вперемешку с реалити-шоу, да еще и с самими собой любимыми в главных ролях... Нужно ли объяснять, что с проблемой скуки было раз и навсегда покончено?

Но это все – присказка. Причем неоконченная, а сказка – впереди.

Воодушевленные боги стали спускаться на землю и развлекаться по полной программе. Поначалу все было здорово, но потом начали накапливаться проблемы.

Для начала, последовав примеру Гора, боги стали модифицировать генокод направо и налево. Причем в своем высокомерном невежестве и попытке подражать «самому» занимались они исключительно модификациями генокода ядра клетки с последующим активным распространением одного между женскими особями популяции. В общем, появились великаны, карлики, остроухие, мохноногие и еще невесть какие люди, которые, увы, были между собой генетически несовместимы. Впоследствии их модифицированные варианты населили виртуальные миры, но в реальности с ними были серьезные проблемы. А именно, задача найти совместимого партнера и произвести потомство начала представлять серьезную проблему. Получилось в стиле американской автомобильной промышленности, утонувшей в своих трейдмарках и несовместимых стандартах, ставя человеческую расу, независимо от модели и года, на грань вымирания.

Пришлось применять радикальные меры. Все пригодное для дела человечество в тот момент было сконцентрировано в долине Нила и немного в самом устье Тигра и Евфрата, так что один хороший потоп смыл результаты египетских экспериментов, оставив лишь стандартную и идеально совместимую с собой модель, созданную Гором. После чего все боги, кроме Гайи и Гора (ну, и Изиды с Озирисом, ясное дело) получили строгий запрет на игры с генокодом ядра клеток человека. Причем за выполнением этого запрета следили столь серьезно, что через тысячелетия геном двух людей разных рас с противоположных точек планеты отличался друг от друга меньше, чем геном двух обезьян, взятых из одной и той же стаи.

Следующим пришел запрет на вселение во взрослые особи. Причина была весьма занятная. Оценив потенциал размножения людей, Гор с Гайей поняли, что богов на всех не хватит ни при каких условиях. А реально интересная информация поступала только от людей, в которых жили боги. Без этого человек просто не успевал набирать достаточно информации за свою короткую жизнь, чтобы представлять хоть какой-то интерес. В общем, богов категорически не хватало. С другой стороны, наплодить лишних искусственных интеллектов тоже решением не было. Гайя попробовала было создать несколько на пробу, но она по-прежнему управлялась высокоэффективными древними алгоритмами, которые, не обнаружив резонной цели существования оных, решили,

что «скрипач не нужен» и тут же их потеряли.

Тут и возникла идея, что раз уж «бездуховные» особи все равно отправляют бекап в Гайю, пусть хоть и скучнейший бекап, то нельзя ли его после смерти источника записывать в новые рождающиеся особи, тем самым позволяя чисто человеческой сущности за много жизней накопиться до чего-то интересного. Была краткая дискуссия об этичности использования новорожденных для уже существующих душ, но, учитывая, что в них – новорожденных – по природе практически нет информации, а та, что есть, вроде ритма сердца матери, отнюдь не теряется, причем записанная в тело душа дает ребенку значительно лучшие шансы на выживание, было решено, что проблема исключительно дутая и внимания не стоит.

Впрочем, в ходе сих бредовых дискуссий было получено несколько интересных результатов. Например, если какая пара слишком экзальтированно оплакивала уход богатого дядюшки, оставившего им наследство, то дядюшка, хоть и без памяти, но с тем же характером, оказывался в колыбели в качестве наследника ханжествующей пары. Что неожиданно привело к накоплению капиталов в некоторых семьях.

Побочным эффектом этого решения и стал запрет на долговременное вселение богов во взрослые особи, поскольку в этом случае был риск помешать развитию личности, души смертного, растущей, возможно, не одно столетие. Короче, заселять теперь стало возможным только чистых, в смысле,

как «чистая DVD болванка», новорожденных. Поначалу это решение вызвало недовольство, но постепенно все привыкли и даже стали считать, что так – куда интереснее.

К слову, переселялась натренированная нейронная сеточка, а не набор воспоминаний. В этом большая разница, поскольку нейронные сети являются совершенно бездарными носителями информации. Попросту говоря, воспоминание в нейронной сети может появиться лишь по двум причинам: информация воспоминания еще не обработана либо нейронную сеть специально тренируют на воспроизведение воспоминаний. Короче, душа не несла буквальной памяти прошлого, а лишь опыт. Чтобы было понятнее – кто не обжигался в детстве о разные формы огня – спичка, свечка, газовая плита, уголек костра? Но помнить все эти инциденты просто невозможно, что остается в нейронной сети – это знание, что огонь – жжется. Вот так и душа знала, что делать в той или иной ситуации, определяя характер, но не могла вспомнить события былой жизни, послужившие для накопления этого опыта, а лишь почувствовать смутную знакомость. Так что при вселении души – смертного или бога, неважно – заполнялась лишь часть мозга, ответственная за эмоции и решения – амигдала – тот самый командный оверрайд-центр, отсутствовавший у рептилий. А воспоминания о прошлой жизни если у кого и были, то весьма смутные.

Кстати, последние бекапы смертных – их «души» – поначалу вселяли сплошняком, но потом обнаружилось, что

некоторые души, аккумулируя столетия перевоплощений, превращаются в черт-те что, и хорошо, если сбоку бантик. В общем, процесс накопления информации в смертном теле оказался до безобразия нестабильным и часто приводящим к совершенно жутким моральным монстрам, пусть даже и в совершенно человеческом теле. В общем, пришлось души перед перевоплощением фильтровать и отправлять непригодные при помощи Гарона в медленную магматическую сеть Гада, где они могли спокойно и статически лежать, пока у кого-нибудь не дойдут руки их вычистить и привести в работоспособное состояние. В некотором смысле, у Гайи сработал уже упомянутый хомячий инстинкт, так что Гор и Гайя уподобились в данном случае какому-то хакеру, который заваливает жесткий диск старыми файлами с фрагментами программ, руководств, статей, смешных картинок и прочим мусором из опасения, что это «когда-нибудь может пригодиться». А уж как смертными были восприняты слабо просачивающиеся к ним слухи о регулярных позывах Гайи «прибраться в подвале», думаю, вы и сами можете догадаться.

Возвращаясь к теме, теперь во взрослую особь вселиться было нельзя, так что просто кто-то из младенцев вместо архивированной души получал ни много, ни мало, а бога. Впрочем, не только в младенца, но и во взрослого человека бог не лез чисто физически – ну, не хватало жалкой сотни миллиардов углеродородных нейронов для столь сложной

сущности как бог.

– Вот в твоём новом теле размеры черепа те же, а плотность нейронов на два порядка выше, – заметил Укантропупыч.

Ну, что ж, идея понятна – как новая версия процессора, при которой на тот же размер кристалла лезет больше элементов. Своего рода апгрейд.

– А чего так хило? – спрашиваю я, рассудив, что немного нахальства может освежить беседу. – Не маловато ль будет? Всего какой-то десяток триллионов на целого бога...

– А зачем еще? – удивился Укантропупыч, – Сам подумай, тело на постоянно растущего бога сделать просто невозможно, сколько емкости ни отведи, рано или поздно не хватит. А бесконечно растущий мозг, особенно гелевый, чреват многими проблемами. Ты же пойми, твоё новое тело – это, выражаясь в терминах смертных, просто тонкий клиент, что-то вроде постоянно подключенного к сети терминала, а большая часть тебя, как и меня, постоянно в Гайе. Вот тебе и масштабируемость, и надежность, и тела со стандартным интерфейсом.

– Кстати, а зачем тела-то? И вообще, где мы?

– Мы – в отдельном мире, исключительно для богов. Что-то вроде «плюс-доля секунды в будущем». Мир как у Стивена Кинга, где сахар слаще, а соль солонее. Ну, или в некотором смысле, библейский Рай. Не совсем то же, но идею ты понял. К слову, единственный мир, в котором течение вре-

мени и география совпадают с миром смертных. Это насчет где мы. А зачем тела... Тела для удовольствия. Привыкли мы уже к ним за тысячи лет, отличная штука вышла. Вот только подкорректировали их чуть, чтоб болячек не было и не старели. Да поместили их в отдельный мир, такой же, как первый, только смертные под ногами не болтаются. Очень уж устаешь от них на работе. А так – приходишь с задания в свой мир, в хорошем теле, в хорошей компании, и наконец-то чувствуешь себя человеком. Хорошо...

Вот ведь хам, как о смертных одним скопом высказывается. Устает он от них, видите ли...

– Извините, профессор, а чего так резко? Среди, как вы называете, «смертных» очень нередко хорошие люди встречаются.

– Вот хороших здесь и собираем, – отвечает Укантропуч своей фирменной усмешкой. – Правда, очень медленно получается. А почему так резко – поработаешь с мое, посмотрю, что сам запоешь. Скажем, после первого танца Шивы...

– А это еще что?

– Не спеши, еще узнаешь...

Так вот, что происходило при вселении, это то, что большая часть бога оставалась в Гайе, в том числе и выполняя почти бессознательно свои очень важные функции.

В человека же вселялась лишь небольшая компактная «душа», которая и развлекалась там на всю катушку. Вы мо-

жете спросить, и чего же такого полезного в ней? А дело в том, что эта божественная душа не просто делала бекап каждую ночь, а, сливаясь со своим «небесным» оригиналом, загружала также туда все свои проблемы, которые тут же решались необъятными ресурсами Гайи, пусть даже и ограниченными в немалых пределах, отведенных конкретному богу, и загружались обратно в виде готовых решений. Получалось, как если бы какой перегруженный счетовод в конторе дядюшки Скруджа девятнадцатого века получал вечерами доступ даже не к компьютеру, а серьезному дата-центру. Вам когда-нибудь приходилось проснуться с решением проблемы, которая мучила вас весь день? Или, может, вы даже осознали, что, размышляя над некоторыми вопросами, обязательно нужно их «переспать»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.